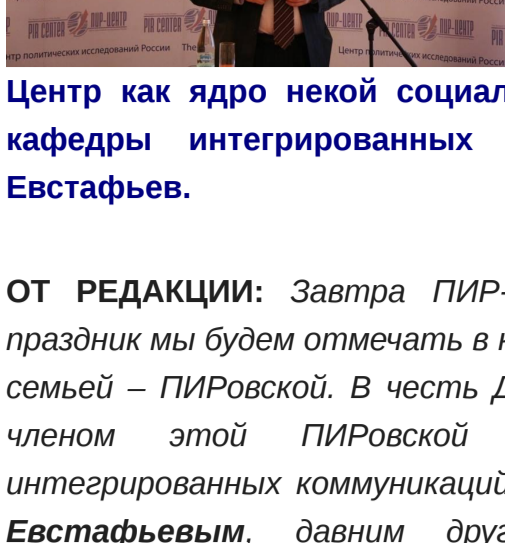

29 апреля 2021 года

МОСКВА. 29 АПРЕЛЯ 2021. ПИР-ПРЕСС. «Самое большое достижение ПИР-Центра в том, что, несмотря на все проблемы и сложности, которые испытал и лично Владимир Андреевич Орлов, и ПИР-Центр как структура, удалось сохранить ПИР-Центр как ядро некой социальной сети отношений», – профессор кафедры интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ Дмитрий Евстафьев.

ОТ РЕДАКЦИИ: Завтра ПИР-Центру исполняется 27 лет. Этот праздник мы будем отмечать в кругу друзей, которые уже стали второй семьей – Пировской. В честь Дня рождения мы подготовили выпуск с членом этой Пировской семьи – профессором кафедры интегрированных коммуникаций НИУ ВШЭ **Дмитрием Геннадьевичем Евстафьевым**, давним другом и бывшим старшим научным сотрудником ПИР-Центра, который стоял у истоков организации 27 лет назад и внес большой вклад в её развитие и становление. Наш гость открыто делится своими взглядами на жизнь, с которыми можно не согласиться, но которые нельзя игнорировать. В этом интервью есть всё: мысли о Крыме, гибридности мира, с одной стороны, и размышления о книгах «Яля самодушества», сварщиках и PR-специалистах, с другой.

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чем кланяться и пенить.
Быть можно не на эпит,
Как на рынке, поменять.

Что ни век, то век железный.
Но вытиснул сад чудесный,
Блещет тучка, я в палат лет
Должен был от сардинины
Умереть, живу в невинный
Век, в котором горя нет.
А. Кушнер

После аспирантуры я работал в ряде исследовательских структур, в том числе в Институте США и Канады. Так вышло, что то, чему меня учили, стране оказалось не особенно нужным. В 1999 году у меня сложилось ощущение, что я уперся в свой научный потолок и пошел перпендикулярно своей научной карьере. Затем из сферы экономической практики вернулся в то, с натягом можно назвать наукой.

Во время учебы была языковая стажировка в стране. У меня – в Ливии в качестве военного переводчика. В Ливии пробыл почти год. Конечно, стажировка оказала определенное влияние на мою ментальность. Посмотреть, что такое работа военного переводчика на практике, и почувствовать московскому мальчику некую реальную жизнь, в которой живут и умирают, было очень полезно. Времена не выбирают, в них живут и умирают. Это было очень нелепо, а в последующем удержало меня от глупостей, в которые я мог бы вляпаться, не посмотрев на некоторые особенности действительности. С точки зрения понимания того, что есть такое Арабский мир и что есть такое мы, в тот момент Советский Союз, это, конечно, имело большое значение.

Началась перестрелка, дожили до переключки

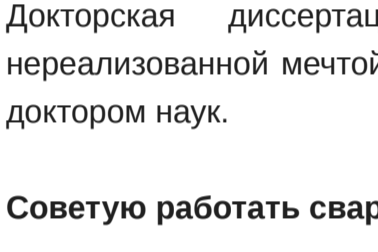
Уехал из одной страны, приехал в другую. Тут-то я и понял, что дело пошло куда-то сильно не туда с этой перестройкой. Потом уже началась перестрелка, каким-то образом дожили до переключки. Теперь живу, наверное, уже в четвертой стране, и она мне более-менее нравится – в ней себя ощущаю комфортно. Первая была – Советский Союз, вторая – та, что мы называем *лихие девяностые*, потом были *сытые нулевые*. Теперь такие вот *посткризисные десятилетия*. Ничего, переживем и их.

Тот рынок, который сделал Крым за четыре года – это фантастика. За четыре года переместиться из Африки в Россию – это огромнейшая заслуга, причем крымчан, а не Федерального центра. Федеральный центр, конечно, тоже молодцы, но крымчанам во многом пришлось ломать себя. Я впервые попал в Крым в 2014 году, приехал из Сочи в Ялту, и это было довольно тяжелое впечатление. Но год за годом вижу, как все меняется. Крымчане совершают очень большое психологическое усилие над собой. В Африке жить, конечно, страшно, но очень легко, от тебя ничего не требуется – ни налоги платить, ни соблюдать правила движения... Очень важно, что люди смогли это сделать.

В Крым не по заграничку

Тот факт, что я дожил до того момента, когда могу ездить в Крым не по заграничному паспорту, считаю самым большим успехом в моей жизни. В украинские времена туда не ездил.

Мне интересен Восток. А Европа – это место для работы и не более, я так это воспринимаю. Во многих странах был: Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Сингапур, Маврикий. По делам несколько раз был в Японии, в Южной Корее, а вот в Северной не был. Ланкойцы очень открытые, и природа на Шри-Ланке разнообразная, фантастические места есть. Очень люблю Нувар-Элио. А в Турции, Греции что особенного? Ну да, прекрасное чистейшее море.

Я человек пляжный, но помимо пляжа нужно что-то еще. Малайзия на меня произвела огромное впечатление. Там фантастические виды, море, рыбы и так далее. А чтобы просто на пляже с пивом полежать – это в Египет, и не надо так далеко лететь. Главное, что всегда на связи. В Малайзии я бы посоветовал Борнео, только не рядом с Кота-Кинабалу, а чуть подальше – там есть заповедник на островах. Надо брать катер и ехать туда, без ночевки, он вас привезет и отвезет. Там можно и погулять по тропическому лесу, и поплавать.

Альтернативная история и книги для самоубийств

Очень люблю мемуарную литературу. Для расслабления перечитываю Гитлеровского. Люблю литературу по альтернативную историю, иногда там очень смешные идеи прокармливают. Но на отдых не беру, я отдыхаю две-три недели в год максимум и мне надо мозг сбросить, иначе просто не выдержу.

Есть книги, которые повлияли на жизнь, но это интимное. Но можно сказать, что это книга Ильи Вергасова *Останется с тобой навсегда*. Это командир одного из отрядов крымских партизан – реальное лицо, книга у него художественная, но очень во многом автобиографическая. И, конечно, *Крымский излом*. Я его прочитал еще до всех событий. Это альтернативная история, там есть очень интересные повороты. Иногда интересно почитать какие-то очень хорошие мемуары, особенно людей второго ряда, которые видели это как очевидцы, но с точки зрения своего уровня замечали то, что великие не замечали никогда.

Если у меня есть свободное время, я не должен читать книгу, после которой нужно совершить самоубийство. Пытался прочитать Кафку, Процесс, но после этого жить не хочется. В начале девяностых были собрания сочинений Ремарка, пять книг в одном флаконе, и я поддался, прочитал роман *На Западном фронте без перемен*. Откуда Гитлер появился, я теперь знаю, но больше читать это не буду никогда.

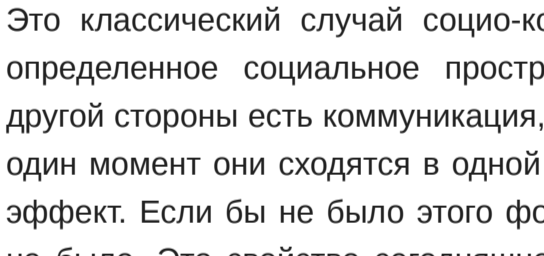
Люблю очень какие-то исторические сочинения. Вы знали, кому посвящен роман *По ком звонит колокол*? Этот человек в литературных произведениях и художественных фильмах фигурирует раз пять и ни разу под своей настоящей фамилией. Уложите в себя в голову роман *По ком звонит колокол* и фильм *Председатель* – они про одного и того же человека.

Докторская диссертация осталась моей unrealized мечтой. На пенсию надо уйти доктором наук.

Советую работать сварщиками

Своими студентами первым делом советую устроиться работать сварщиками, потому что сварщик сейчас получают гораздо больше, чем специалисты в области связей с общественностью. В нормальной индустриальной стране, к числу которых относится Россия, молодой сварщик должен получать больше молодого PR-специалиста. Поэтому я честно говорю, что ребятам вообще-то туда.

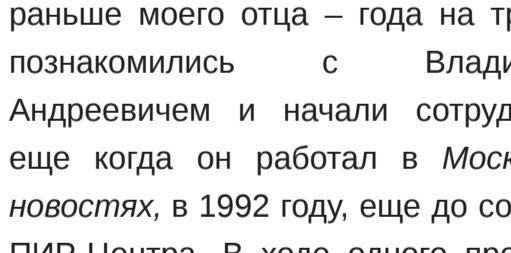
Хороший актер – тот, у кого тысяча штампов, плохой – у кого двадцать. Хороший парщик не тот, у которого большой креатив, а у которого заложено 500-700 типичных ситуаций. Берет их он из жизненного опыта, который накапливается сравнительно медленно, или берет их из фильмов, книг, не имеющих отношения к пиару.

Связи с общественностью – сфера, где мы имеем дело с управлением поведением групп людей – нечеловеческих коллективов и отдельных людей. Люди, как правило, очень во многом реагируют на какие-то аналогии, на свои воспоминания. Моя задача – научить молодых студентов, что вероятность того, что их клиентами будут такие же люди как они, если не ноль, то бесконечно исчезающая величина – будут люди как я и старше. Приходят молодые талантливые ребята и начинают предлагать то, что человек просто по своему жизненному опыту принять не может. А потом случаются какие-то личные трагедии. Научиться этому можно в хорошей литературе, на хороших фильмах. Разве что-то можно вывести из сегодняшнего кинематографа, сегодняшней литературы? Это же читать невозможно – изображается некий выдуманный мир. Да, в советской литературе этот выдуманный мир тоже был, но все-таки имел отношение к миру реальности. Нет ничего более страшного, чем постмодерн в литературе.

Ткань социальных связей

Дело не в ценностях, а в способности, базируясь на небольшом количестве разных аналогий, распознать, где тебя дурят, а где может быть, нет. Вот я пытаюсь научить студентов расширять кругозор не за счет того, что модно в их аудитории, и составляет их культурную ткань, а за счет того, что составляет культурную ткань большей части населения страны. А это есть ткань ваших социальных связей. Можно жизнь прожить, не узнав, что есть другие люди, которые по-другому мыслят, по-другому оценивают какие-то ситуации. В современном информационном обществе это становится возможным. Сегодня можно закрыться и жить в каком-то смещенном пространстве, потом случайно попасть в другое и понять, что вы в нем маргинал и очень на это обижаться. Команда единомышленников в определенной идеологической атмосфере может выстрелить, но на короткий период, а потом ей надо развиваться и подстраиваться.

Самое большое достижение ПИР-Центра в том, что, несмотря на все проблемы и сложности, которые испытал и лично Владимир Андреевич Орлов, и ПИР-Центр как структура, удалось сохранить ПИР-Центр как ядро некой социальной сети отношений. Самая большая неудача в том, что не удалось сохранить главную коммуникационную платформу. Надо искать новые формы для восстановления взаимодействия, реформирования, потому что время тусовки уходит.

С ПИР-Центром познакомился гораздо раньше моего отца – года на три. Мы познакомились с Владимиром Андреевичем и начали сотрудничать еще когда он работал в *Московских новостях*, в 1992 году, еще до создания ПИР-Центра. В ходе одного проекта у нас была конференция, там мы познакомились и поддерживаем дружеские отношения. Я считаю за честь, что Владимир Андреевич меня все еще терпит в качестве друга, вспоминая им в некоторых моментах.

Ненормально было не обмануть

В ПИР-Центре особо запомнились первые десять лет – то ощущение подъема и большой перспективы. Десятилетие ПИР-Центра помню до сих пор. Мы были моложе, вода была голубей, а трава зеленой. Но главное, что было совсем другое ощущение: вот это все должно сейчас закончиться. Фильм *Говорухина Так жить нельзя* был про Советский Союз, но вообще-то его нужно было снять про девяностые. Социальные отношения были уже нечеловеческими. Обмануть человека – это было нормально, ненормально было не обмануть.

Владимир Андреевич, тогда попал в очень непростую ситуацию, справился. Это меня поразило, до сих пор помню. Он вышел и честно сказал, что происходит, четко предложил меры, которые затрагивали в том числе и его, как выходящий из этого тяжелого положения. И это было ядро человеческих отношений. То есть это выгорание в нечеловеческом мире... Такого отката, как тогда, больше не было, и я думаю, что уже не будет. Внутри этого ада был оазис, который выдала продукт высочайшего качества. С нами пытались конкурировать, но все это смешно. И жили они грешно, и кончили они смешно. Но внутри этого продукта были еще вполне человеческие отношения. Приходил в оазис и мог дышать – это было очень важно.

Переходный период закончился

Воссоединение с Крымом – самое яркое событие, очевидцем которого был. Жаль, отец не дожил до него. Он же застал передачу – и он вспоминал, что это было очень тяжело воспринято. Вопреки всему и тому, что пишут, он это воспринимал как очень неоднозначное явление. Я думаю, что это ощущение еще от дедушки шло. А для меня это, конечно, самое яркое событие в жизни. Переходный период закончился.

Интервью: Юлия Цешковская
Редакторы номера: Юлия Цешковская, Нюта Детсарёва

Узнать больше о проекте «**Без галстука**» можно на сайте ПИР-Центра.

Наш электронный адрес: info@pircenter.org

Здесь вы можете подписаться на другие рассылки ПИР-Центра или отписаться от них.

This email was sent to info@pircenter.org
[unsubscribe from this list](#) [update subscription preferences](#)
 PIR Center PO Box 147 Moscow 119013 Russia